

Жюли

Жюли Маргани не понимала, почему она не беременеет. Она рассчитала дату зачатия с тем, чтобы родить в конце летних каникул и выйти на работу в январе, когда компании будет трудно без нее обойтись. Но тело бастовало: месячные с завидной регулярностью приходили точно в срок. Жюли не привыкла, чтобы мировой порядок шел вразрез с ее пожеланиями, и это привело к постепенному нарастанию тревожных симптомов: то в метро на нее вдруг накатывала паническая атака, то ее одолевал страх перед тем или иным продуктом. Но больше всего она боялась хаоса.

Впервые увидев Жюли у себя на лестничной площадке, я мгновенно узнала в ее нежном лице черты девочки, какой она когда-то была. Моя новая соседка принадлежала к числу девочек примерных — из тех, что никогда не забывают взять в бассейн ша-

почку, не теряют резинки для волос и не таскают у папы станок, чтобы побрить себе ноги. Я всегда с удовольствием общалась с этими изящными созданиями, существующими в мире, скроенном под них. Разумеется, я никогда не пыталась стать похожей на этих идеальных девочек, что было заранее обречено на провал, зато набивалась к ним в подружки и пользовалась их любовью и покровительством. Я быстро вошла во вкус своей роли фаворитки: меня приглашали на дни рождения, где мне перепадало то лишний набор почтовой бумаги, то ластик необычной формы, то пара голографических наклеек. На перемене они давали мне поиграть со своими куклами пони, от которых вкусно пахло клубникой. Особенно мне нравилось оставаться у кого-нибудь из них ночевать: в отглаженных пижамах мы укладывались валетом в мягкую постель, и они делились со мной своими секретами, что наполняло меня чувством причастности к космогонии их чудесного детства. Чем теснее я с ними общалась, тем крепче их любила, снова и снова убеждаясь в том, что примерные девочки — обворожительные создания, способные на верную дружбу. Годы спустя я продолжала восхищаться женщинами, похожими на мою соседку Жюли, которая в свои сорок лет возглавляла агентство, специализирующееся на управлении лояльностью клиентов по договору со всемирно известным холдингом, и была способна, проведя днем серьезное совещание, вечером переодеться в юбку-карандаш, отправиться в оперу слушать “Ма-

дам Баттерфляй” и, держа за руку мужа, заливаясь искренними слезами. Мне нравилось наблюдать за ней в будничной обстановке — если честно, я ею восторгалась. Я терпеть не могу брать на себя ответственность, ненавижу готовить, не умею выступать на публике, а на первом свидании напрочь забываю про самолюбие. Нечего и говорить, что наша дружба отчасти объяснялась нашими различиями. Жюли позволяла мне прикоснуться к своей безусловно организованной жизни — взамен я ее сместила. Как ни банально это звучит, но все такого рода антагонизмы действительно уходят корнями в детство. Отец и мать Жюли были логопедами и держали в Париже довольно известный частный кабинет. Мои родители тоже работали вместе — они были комиками. К сожалению, известность к ним так и не пришла.

Мои мать с отцом на протяжении почти двадцати лет — с 1981-го по 1998-й — выступали дуэтом и объездили почти всю Францию. Иметь родителей-клоунов не очень-то весело, особенно если ты единственный ребенок в семье. Жюли в этом отношении повезло — она росла с тремя братьями, что дает женщине огромное преимущество. Мужской член я впервые увидела в тот день, когда лишилась девственности; девушки, которым выпала удача с детства тесно общаться с противоположным полом, оказываются в выигрышном положении — их нельзя застать врасплох. Зато я наизусть знала карту Франции со всеми ее департаментами, а глав-

ное — с крошечными театриками, кабаре, муниципальными клубами, кабачками и бистро.

Жюли все свое детство спала в одной и той же комнате и в одной и той же кровати на третьем этаже солидного буржуазного дома. Вечером в воскресенье семья, согласно незыблемому правилу, ужинала на кухне холодными закусками — просто потому, что у них было так принято. Меня же, напротив, все мое детство без конца, как чемодан, перетаскивали с места на место, из одной прокуренной ночлежки в другую, такую же случайную. Когда я говорю “как чемодан” — это не фигура речи. Дело в том, что у моих родителей был скетч под названием “Чемодан”.

Мать выбегала на сцену с огромным чемоданом в руках, якобы опаздывая на поезд. Из-за противоположной кулисы неторопливой походкой выплывал отец. Не спеша, посвистывая, руки в брюки. Встретившись, они начинали шумно ссориться. В это время из чемодана высовывались две маленькие ножки, и он потихоньку отступал подальше, явно не желая присутствовать при скандале. Обнаружив, что чемодана нет, родители делали вывод, что его украли, и принимались еще громче орать друг на друга. От этих воплей чемодан поднимался на ноги, как в мультфильме, и улепетывал за кулисы. Зрители покатывались со смеху. Они вскакивали со стульев и громко аплодировали. У меня колотилось сердце — вы уже поняли, что в чемодане сидела я, маленькая Эмильена. С полутора до четырех лет я изображала в родительском номере живой чемо-

дан. Но затем настал неизбежный день, когда мои руки и ноги перестали туда помещаться. За одно лето я поняла, какое значение имеет для человека его задница. Родители решили завести еще одного ребенка, но у них, к сожалению, ничего не вышло. Гораздо позже, когда я сама стала мамой, они подбивали меня дать им напрокат моего сына и в мыслях уже примеряли свои старые костюмы времен шумного успеха. Но я была непреклонна: мой ребенок никогда не будет сценическим реквизитом. Следует добавить, что от тех лет эфемерной славы я сохранила легкую клаустрофобию и невероятную гибкость. Жюли тоже была довольно гибкой, но в основном благодаря занятиям классическим танцем: она тренировала свое стройное, как лиана, тело возле балетного станка. Я так и вижу ее в розовой пачке, с аккуратно заколотыми волосами, выступающей перед нацеленными на нее объективами ручных видеокамер. Пока Жюли шила себе костюм к празднику в конце учебного года, я разъезжала по улицам, сидя у отца на плечах, и раздавала рекламные листовки с приглашением на внеконкурсные спектакли Авиньонского фестиваля.

Миновало двадцать пять лет, и мы стали соседками.

Прошло еще какое-то время, и счастливое событие случилось-таки — Жюли забеременела. Беременность у нее протекала тоже образцово. Одной рукой она втирала в грудь крем для упругости, другой листала умные книжки о подготовке к родам;

за несколько месяцев она приобрела знания, достойные патронажной сестры, и отправилась в роддом профессиональной будущей матерью, прихватив чемодан с цветочным рисунком в тон своему светло-розовому лаку для ногтей. В следующую субботу она вернулась с младенцем в плетеной колыбельке, свежая и улыбающаяся, как будто ходила на рынок и купила в лавке самый лучший кусок парного мяса. Жюли начала работать, не дожидаясь окончания декретного отпуска, и возобновила интимные отношения с мужем, как только в ускоренном темпе прошла курс восстановительной терапии.

Я восхищалась Жюли. Кроме шуток. Я поражалась тому, сколько всего она успевает сделать за один день. При этом остается в прекрасном настроении, как будто все это ей ничего не стоит. Никогда не жалуется. Только улыбается.

Я знаю, о чем говорю. Я — фотограф, и моя профессия заключается в том, чтобы уговорить людей улыбнуться, а это совсем не так просто. На протяжении многих лет я снимала детей — от ясельного возраста до выпускного класса школы, в основном работая в департаментах Марна и Сена-и-Марна, в так называемых *приоритетных зонах образования*. Проблема со школьной съемкой в том, что надо уметь произвести хорошее впечатление на директора, не отказываться ни от одного мероприятия и посылать им поздравительные открытки — иначе на следующий год не позовут. Я бы, воспользовавшись выражением Жюли, сказала, что “управление

отношениями с клиентами” — не мой конек, поэтому она связала меня с посредническим агентством. Агентство предлагает мою кандидатуру компаниям, желающим организовать фотосъемку сотрудников на рабочих местах для всяких там семинаров, коктейлей, благотворительных вечеров или спортивных состязаний. Затем оно печатает портреты служащих, озаренных счастливой улыбкой, — еще бы, им повезло работать в такой прекрасной компании! — на кружках, майках и магнитах, которые потом будут собирать пыль на дверце холодильника. Сегодня я в основном работаю через них, благодаря чему освободилась от бумажной волокиты, а главное — избавилась от свадебной съемки, хотя дело это выгодное, может быть самое выгодное в нашем ремесле. Но оно же — источник неисчислимых проблем. Мне еще ни разу не встречались новобрачные, которым понравилась бы их свадебная съемка, — они всегда недовольны. Мечты о сказочных воспоминаниях на всю жизнь разбиваются о суровую действительность реальной картинки, запечатлевшей убожество украшенного зала или лужайки и накрытых для гостей столов. Женщины обнаруживают, что в своих пышных белых платьях похожи на посыпанную сахарной пудрой ромовую бабу, а мужчины — что в розовом костюме цвета пупса выглядят попросту нелепо. Но я-то тут при чем? Они долго убеждают тебя, что это ты во всем виновата, а потом еще пытаются оспорить сумму счета, потому что, видите ли, ты забыла сфотографировать

семью австралийских родственников, и требуют уничтожить негатив снимка, на котором дедушка лапает молоденьких девчонок. Но даже не это главное. На свадьбе трудно отказаться от бокала-другого шампанского, в результате чего наутро я частенько просыпалась в постели одного из гостей. Между тем профессия свадебного фотографа требует определенной репутации, которая складывается на основе устных отзывов, и здесь я была явно не на высоте.

Это то, что касается способов заработать на жизнь. Но я все-таки стараюсь заниматься и творчеством — разумеется, под другим именем. На моей страничке в Википедии написано:

Эмильена Крамо, известная также под псевдонимом Эмильена Вальс, родилась в Лиможе 14 сентября 1984 года. Французский фотограф и художник.

Псевдоним Вальс я выбрала потому, что мне нравятся имена, образованные от глаголов. Я очень рано поняла, насколько важна для человека фамилия. Это было в начале девяностых, я тогда училась в одном классе с девочкой, которую звали Кароль Беги. Мне было семь лет, и родители на некоторое время осели в Бурла-Рен, южном пригороде Парижа, решив “попытать счастья в столице”; раз в неделю они выступали в кабаре “Дон Камило”, расположенном на улице Сен-Пер, — если мне не изменяет память, по вторникам.

Они записали меня в начальную школу имени Олимпии де Гуж¹, в двух шагах от станции регионального экспресса линии В. Для меня это стало потрясением — до сих пор родители учили меня сами, и не сказать, чтобы с особым рвением. Ну а я мечтала о ранце, новеньком пенале и тетрадках на пружинке с разноцветными закладками. Я и сейчас помню стук отодвигаемых от парт стульев, переливы звонка, перешептывания учеников и скрип чернильного пера по бумаге. Посреди этого гвалта я была самой счастливой в школе девочкой.

Кароль Беги была лучшей ученицей в классе. Ее красота вызывала во мне чувство близкое к влюбленности. Когда во время переключки ее вызывали, мне в ее имени слышался императив, как будто учительница призывала: “Беги, Кароль, беги!” Это было не просто имя — в нем ощущалась скорость, свист ветра и головокружение от полета к небесам. Мы, все остальные, обладатели бессмысленных и неинтересных фамилий, воспринимали себя на ее фоне несчастной серятиной. В самом деле, к каким необыкновенным свершениям может быть готов человек, если его зовут Эмильена Крамо или, скажем, Дмитрий Леру², — ну разве что рискнет перекрасить волосы в рыжий цвет. И потом, как бы глупо это ни звучало, Кароль Беги и правда очень быстро

1 Олимпия де Гуж — французская писательница, журналистка, политический деятель, автор “Декларации прав женщины и гражданки” (1791). (Здесь и далее — прим. перев.)

2 От фр. *le roux* — рыжий.

бегала, словно сама фамилия заставляла ее всегда быть впереди всех. Поэтому, выбирая псевдоним, я взяла за основу глагол “вальсировать”, надеясь, что он, подобно какой-нибудь близкой планете, повлияет на орбиту моей профессиональной карьеры. В двадцать лет мне хотелось, чтобы каждый мой день проходил в причудливом ритме танца и моя жизнь прокладывала себе свободную траекторию посреди тягостных обязанностей этого мира.

Разумеется, ничего из этого пока не осуществилось. Я выражаюсь осторожно: “пока”, потому что не стану утверждать, что всю свою долгую жизнь буду двигаться строго параллельно успеху и мы никогда не пересечемся — ведь даже прямые линии сходятся у горизонта. Но вопреки тому, что пишет Википедия, я никому не известна; готова спорить, что вы никогда обо мне не слышали. Вместе с тем я не сомневаюсь, что некоторые из моих работ меня переживут — возможно, меня ждет посмертная слава, — но пока я могу с гордостью и смирением заявить, что считаю себя мусорным мешком.

Выражение “мусорный мешок” пришло мне в голову после просмотра фильма “Ход вещей”, который сняли в 1987 году два швейцарца — Питер Фишли и Давид Вайс. В этом экспериментальном фильме самые обыкновенные предметы падают один за другим по принципу домино — чем-то в этом роде развлекается молодежь из восточных стран; они на протяжении нескольких месяцев выстраивают из косточек домино многокилометровые

цепочки, стремясь побить мировой рекорд. У Фишли и Вайса под действием огня, воды или закона всемирного тяготения падают не доминошки, а всякие автомобильные запчасти и инструменты.

Импульс всей цепочке задает мусорный мешок, толкающий автомобильную шину.

Мусорный мешок ударяется о неподвижно стоящую крышку, к которой скотчем прикреплена бутылка воды. От удара крышка сдвигается с места, вода выливается из бутылки, попадает в пластиковый стаканчик, прилепленный ко второй крышке, та начинает катиться, сперва медленно, потом все быстрее, на ходу из ее собственной бутылки тоже льется вода — в еще один пластиковый стаканчик, стоящий уже на третьей по счету черной резиновой крышке; она меньше двух первых и катится быстрее, чтобы врезаться в четвертую, огромную, которая благодаря своей массе закатывается на деревянную лесенку и не без труда перескакивает с перекладины на перекладину; в тот самый миг, когда она почти останавливается, на ее пути встает пятая крышка — в результате столкновения четвертая ускоряется и преодолевает оставшиеся перекладины, пока не налетит на шестую, стоящую на второй лесенке; шестая крышка — тоже не без труда — добирается до конца лесенки, где утыкается в дощечку,

вернее, в стоящий на ней картонный цилиндр диаметром примерно десять сантиметров; этот цилиндр — легкий, светлый и на фоне покрышек почти невесомый — приходит в движение, скатывается с дощечки и падает в пустоту, но в падении задевает деревянную планку; та начинает раскачиваться справа налево, касается двух других деревянных планок, и так далее.

Я описала первую минуту фильма, а всего он длится полчаса.

Когда я смотрела его в первый раз, у меня перехватывало дух. Я испугалась *по-настоящему*. Значит, достаточно, чтобы крохотный цилиндр упал на пару миллиметров правее и не задел стеклянную пластинку — и все движение остановится? Мои нервы были натянуты до предела, все мышцы напряжены; мне казалось, если я хоть на секунду отвлекусь от пристального наблюдения за тем, что происходит на экране, вся конструкция перестанет работать; я точно так же задерживаю дыхание в театре, если актриса вдруг умолкает посреди реплики, словно забыла текст роли. Фильм “Ход вещей” лучше всех на свете книг, фильмов и философских сочинений выражает некую теорию существования, во всяком случае моего собственного; когда я сравниваю себя с мусорным мешком, я имею в виду следующее: порой самое пустяковое поползновение может стать причиной большого потрясения. Из череды внешне случайных событий складывается судьба, и самое трудное здесь — дать им первоначальный толчок.

Именно так я сделала свою лучшую фотографию, которой горжусь больше всего. В тот день я попросила Жюли позировать мне перед стенным шкафом в спальне. Мне хотелось, чтобы фоном служили аккуратные стопки одежды на полках, сложенные тщательно, как в магазине, и рассортированные по цвету. Жюли стояла перед ними с младенцем на руках. Ребенок открывал ротик и тянулся к ее груди, выглядывавшей из безупречно белой блузки. Такой мне виделась Жюли — настоящей современной мадонной. Но пока я наводила на резкость и искала кадр, из груди Жюли брызнула струйка молока, и на отглаженной блузке расплылось небольшое сероватое пятнышко. Заметив это, Жюли вытаращила глаза, скривилась и отстранила от себя малыша. В результате получилась удивительная фотография, на которой мать смотрит на ребенка с недоумением и испугом, и непонятно, что она сделает в следующую минуту: закричит, бросит его или рассмеется. Вот это и есть моя работа. Я не принадлежу к числу фотографов, которые пытаются выстраивать новые образы. Я не стремлюсь поразить зрителя или внушить ему сильные эмоции. Я также не отношу себя к мастерам документалистики и не претендую на создание объективных свидетельств нынешнего состояния мира. Я хочу уловить краткий миг ожидания между тем, чего уже нет, и тем, чего еще нет, — запечатлеть неопределенность.

В тот памятный день, как только Жюли переоделась, мы пошли на кухню. Пока она вручную, как

в старину, разминала овощи в пюре, я рассказывала о том, что когда моему сыну Сильвену было столько, сколько сейчас ее малышу, он питался исключительно покупным карамельным фланом, наотрез отказываясь от любой другой еды. Я поняла, что хочу пить. Жюли была поглощена приготовлением пюре. Я открыла холодильник — в нем, как всегда, приятно пахло лимоном и чистотой. Не знаю почему, возможно, из-за эпизода с блузкой, но мне вдруг захотелось молока. Или меня привлекла белая стеклянная бутылка? Я схватила ее и поднесла ко рту. “Нет!” — крикнула мне Жюли, но я уже залпом выпила полбутылки.

— Это *мое* молоко, — огорченно сказала она. И, чтобы добить меня, добавила: — Я сдаю его в роддом, для мам, которым не хватает своего.

Меня вывернуло наизнанку, прямо на дверцу холодильника, под испуганным взглядом младенца, который немедленно последовал моему примеру. Все это я рассказываю с единственной целью — показать, что в моем восприятии Жюли была образцом счастливой матери, вроде символического рога изобилия, человеком, которому каждая из нас охотно доверила бы свое дитя, не сомневаясь, что его прекрасно воспитают; ее лик был вполне достоин того, чтобы его выгравировали на медали с надписью “От благодарного Отечества”.

Но на следующий день, поздно вечером, Жюли позвонила ко мне в дверь, с ребенком на руках, и спросила, нельзя ли оставить его у меня на ночь.

“Он не просыпается, потому что ему нездоровится”, — с горловым спазмом произнесла она. На ней была безразмерная грязная майка. Она пробормотала еще что-то нечленораздельное, скользя вокруг взглядом, напомнившим мне колыхание водорослей на берегу лагуны. Я привыкла, что время от времени она просила меня побыть часок с ее сыном, но чтобы заявиться ко мне чуть ли не среди ночи, да еще без предупреждения — такого не было никогда. Вручив мне сверток, она развернулась и пошла к своей двери; я заметила, что она без трусов. Это был тревожный знак. Последней, кто на моей памяти разгуливал с голой задницей, была моя прабабка, у которой начинался Альцгеймер. Спустя несколько минут ко мне зашел муж Жюли; он принес пеленки и подтвердил, что у них проблемы. Жена, смущенно пояснил он, неважно себя чувствует, ей необходимо выспаться, поэтому он, Тьерри, сейчас отвезет ее к родителям, а ребенка заберет как только сможет. Но на завтра я увиделась со своей подругой в психиатрической клинике Святой Анны. Семейный врач поставил ей диагноз “острое нервное истощение” и потребовал госпитализации.

— Это болезнь высокообразованных и профессионально состоявшихся женщин, — сказал он. — Они стараются и в семейной жизни воспроизвести модель совершенства, к которой привыкли на работе.

Эти женщины, объяснил он, часто являются жертвами скрытой психической травмы, а свое от-

чаяние преобразуют в жизненную энергию. Они преисполнены энтузиазма, чем поражают окружающих, они высоко несут знамя идеального материнства, чувствуя себя олицетворением всемогущей женственности. Но потом у них кончаются силы. И они попросту сдуваются.

И правда, Жюли больше ничего не могла делать. Не могла говорить. Не желала вставать с постели. Отказывалась пошевелиться. Она погасла. Психиатр прописал ей несколько недель полного покоя, вдали от ребенка и от всего, что так или иначе связано с миром младенчества — этим беспокойным миром, отныне ставшим для нее источником кошмара. В тот день, навещая ее в больнице, я вдруг осознала, что в последние годы у нас с Жюли установились очень близкие доверительные отношения; она занимала в моей жизни гораздо больше места, чем я сама думала. Ее спокойное присутствие в квартире напротив, ее всегда ровное настроение, аромат ее духов с запахом розы на лестничной площадке — все это незаметно вплелось в мое существование как его необходимый элемент.

Вход в клинику Святой Анны представляет собой монументальный подъезд с синей дверью под треугольным фронтоном. Попадая внутрь, ты не можешь избавиться от смутного ощущения, что эта дверь, возможно, закрывается за тобой навсегда. Я не сразу нашла палату Жюли. Подруга ждала меня — ее опухшее лицо блестело от слез. Она без конца плакала и говорила, что проклиная себя за то,